УДК 94(47)"1812"

Б. Г. Кипнис

Первый шаг Великой войны

В статье дается анализ первых недель Отечественной войны 1812 г. Оценивается полководческое искусство императора Наполеона, Барклая-де-Толли, князя П. И. Багратиона. По новому рассматривается роль императора Александра I и его участия в ходе военных действий. Выясняется истинная картина боев и маневрирования обеих армий, в эти ключевые недели определивших дальнейший ход войны.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Наполеон, Александр I, Барклай-де-Толли, Багратион, I Западная армия, II Западная армия

Boris G. Kipnis

The first step of the Great war

The article provides the analysis of the first weeks of the Patriotic War of 1812. Estimated generalship of the emperor Napoleon, Barclay-de-Tolly, prince P. I. Bagration. According to the new examines the role of the emperor Alexander I and his participation in the course of military actions. It turns out the true picture of the fighting and maneuvering of both armies, in those crucial weeks determined the further course of the War.

Keywords: Patriotic War of 1812, Napoleon, Alexander I, Barclay-de-Tolly, Bagration, I West army, II West army

Все очевидцы отмечают, что первый шаг был омрачен дурным предзнаменованием: император в шинели польского солдата произвел рекогносцировку русского берега Немана и поскакал к своему штабу.

> Когда император скакал галопом по полю, из под ног его лошади выпрыгнул заяц, и она слегка отскочила набок. Император, который очень плохо ездил верхом, упал наземь, но поднялся с такой быстротой, что был на ногах прежде, чем я подоспел чтобы его поднять. Он вновь сел на лошадь, не произнеся ни слова… князь Невшательский[1] тотчас же коснулся моей руки и сказал:
>
> – Мы сделали бы гораздо лучше, если бы не переходили через Неман. Это падение – дурное предзнаменование…
>
> Каждый думал об этом падении, и на лицах некоторых чинов штаба можно было прочитать, что римляне, верившие в предзнаменования, не перешли бы через Неман[2].

Между тем саперы генерала Ж. Б. Эбле готовились начать наводить мосты. Наступила ночь с 23 на 24 июня, несколько саперов на лодке переехали Неман:

> Все было тихо и спокойно в этой чужой стране, которую им рисовали такими мрачными красками!
>
> Однако к ним скоро подъехал простой казачий офицер, командовавший патрулем… Повидимому он не знал, что перед ним находится вся вооруженная армия Наполеона. Он спросил у этих чужестранцев кто они такие.
>
> – Французы! – последовал ответ.
>
> – Что вам нужно <…> и зачем вы пришли в Россию?
>
> Один из саперов возразил ему резко:
>
> – Воевать с вами! Взять Вильну! Освободить Польшу!
>
> Казак удалился и исчез в лесу. Трое наших солдат, увлеченные избытком рвения и стремясь исследовать лес, произвели в него несколько выстрелов[3].

Известный русский историк, великолепный знаток наполеоновской эпохи и армии Франции О. В. Соколов утверждает, что эта стычка произошла с отрядом вольтижеров 13-го легкого полка[4]. Классический русский историк XIX столетия А. И. Михайловский-Данилевский пишет, что полк этот был польский и называет фамилию казачьего офицера: «Начальник разъезда Жмурин, произведя несколько ответных выстрелов, стал, по приказанию командира полка графа Орлова-Денисова, отходить назад»[5]. Таким образом, честь первыми из русских дать выстрелы, открывшие Отечественную войну 1812 г., принадлежит лейб-гвардии казачьему полку!

Между тем саперы наводили мосты, по которым еще ночью 1-я пехотная дивизия генерала Ш.-А.-Л.-А. Морана первого перешла Неман выше Ковно[6]. С восходом солнца глазам очевидцев открылась величественная картина: «В трехстах шагах от реки, на самом возвышенном месте, виднелась палатка императора.

Вокруг нее все холмы, все склоны и долины были покрыты людьми и лошадьми. Как только солнце осветило все эти подвижные массы и сверкающее оружие, немедленно был дан сигнал к выступлению. Тотчас же эта масса пришла в движение и, разделившись на три колонны, направилась к трем мостам… Горячность, охватившая их, была так велика, что две дивизии авангарда, оспаривая друг у друга честь первыми вступить на чужой берег, начали драку, и только с трудом удалось успокоить их»[7].

«Император переправился через реку утром, как только первая дивизия заняла позицию на другом берегу, и, казалось, был очень удивлен, узнав, что русская армия, стоявшая под Вильно, отступила уже три дня тому назад. Нужно было показать ему целый ряд донесений и представить ряд приехавших оттуда лиц, чтобы он поверил этому сообщению… По всем направлениям в поисках сведений были разосланы поляки»[8]. Сам император сообщил о начале войны своей жене в следующих выражениях: «Мой друг, я перешел Неман 24-го числа в два часа утра. Вечером я перешел через Вилию. Я завладел городом Ковно. Никакого серьезного дела не завязалось. Мое здоровье хорошо, но жара стоит ужасная»[9]. В письме к Марии-Луизе он не пожелал даже вспомнить о драме, развернувшейся у него на глазах при переправе через Вилию: «Через реку во главе 200 добровольцев вызвавшихся пловцов переправлялся де Геенэк[10]. Он оставил свой полк легкой пехоты и кинулся в полном снаряжении в реку, чтобы спасти одного улана, которого увлекло течением. Император нашел, что этот поступок заслуживал бы всяческой похвалы, если бы был совершен обыкновенным человеком, но отнюдь не подобал командиру полка перед лицом неприятеля. Он сказал это де Геенэку»[11]. Почему он так поступил?

Его волновала не судьба нескольких десятков солдат, а судьба кампании, он спешил настигнуть и разгромить русскую армию: «Император хотел, чтобы все летели на крыльях. 27-го он переночевал в Овсянишках, а 28-го в девять утра прибыл в Вильно. Это быстрое движение при отсутствии продовольственных складов исчерпало и разорило все запасы и все жилые места, находившиеся по пути. Авангард еще кормился, а остальная часть армии умирала от голода. В результате перенапряжения, лишений и очень холодных дождей по ночам погибло 10 тыс. лошадей. Много солдат из молодой гвардии умерло во время переходов из-за усталости, холода и лишений. Начальники хотели, чтобы эта молодежь соревновалась с воинскими частями, умевшими перенести столько трудностей, лишений и опасностей; молодежь пала жертвой этого неуместного пыла»[12].

Но все эти усилия и жертвы не увенчались ничем – русские исчезли бесследно, император устремился в Вильно: «Он надеялся, что Александр будет оспаривать у него эту столицу. Звуки выстрелов, казалось, подтверждали эту надежду, как вдруг ему объявили, что вход в город открыт. Он двинулся туда озадаченный и недовольный. Он обвинял генералов авангарда, что они выпустили русскую армию… Эта вспышка у такого человека, как Наполеон, не столько заслуживала порицания, сколько внимания, как доказательство, какое огромное значение он придавал быстрой победе»[13]. Граф Сегюр более чем прав в этом своем замечании.

«Русская армия исчезла. Надо было отправляться за нею в погоню», – пишет далее адъютант императора граф Сегюр. И действительно, куда же подевалась I Западная армия?

23 июня Свита государя давала ему празднество в поместье генерала Беннингсена – Закрет, неподалеку от Вильно[14], там и было получено известие о переходе французов через Неман близ Ковно. «Это известие осталось тайной нескольких лиц, облеченных доверием царя, и танцы и ужин продолжались. Но к крайнему нашему удивлению, рано утром на другой день получено всеми в Главной штаб-квартире приказание о выступе оной из Вильны по тракту к Свенцянам, куда перенесены были глав[ные] квар[тиры] как царские, так и главнокомандующего… во время пребывания в Свенцянах, вследствие общего распоряжения о движении армии, были посланы от государя через Аракчеева по всем корпусным командирам флигель-адъютанты с предписанием направления движения для каждого»[15].

Одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять, что Свенцяны выбраны потому, что отсюда наикратчайший путь к берегам Западной Двины: как к Двинску, так и Дриссе. Накануне начала военных действий государь начал колебаться относительно правильности выбора Дрисского лагеря как места сосредоточения I Западной армии, об этом свидетельствует К. Клаузевиц[16]. Чтобы оценить состояние работ в лагере, 23 июня туда и был отправлен из Вильны Клаузевиц, еще до того как стало известно о вторжении неприятеля[17]. Но выслушать отчет Клаузевица для принятия окончательного решения было уже некогда: Наполеон перешел Неман. Поэтому-то главные квартиры государя и Барклая отправлялись в Свенцяны, и все корпуса стали отходить для соединения там же и последующего выбора дальнейшего пути отступления. Клаузевиц, осмотрев работы в Дрисском

лагере, остался ими, равно как и самим местом выбранным для лагеря, весьма недоволен[18], но когда он вернулся, то 28 июня застал Главную квартиру и государя уже в Свенцянах, поэтому диспутировать о том, стоит или нет отступать к лагерю, было уже поздно; при той дислокации, какую приняла I Западная армия, иного пути уже не было. Но вставал вопрос, можно ли воспользоваться лагерем для той цели, к которой его предназначал генерал Пфуль, т. е. длительной обороны в этих укреплениях, при действиях армии князя Багратиона во фланг и тыл Наполеона, блокирующего Дрисский лагерь. Клаузевиц считал, что это невозможно исполнить и лагерь надо оставить. Но заявить во время доклада государю, происходившего в присутствии генерала Пфуля, который ему все эти дни так протежировал и взял к себе в адъютанты, он не мог. Однако сумел так высказаться о положении дел в лагере, что не утвердил уверенности государя в правильности дрисской позиции, а наоборот еще более поколебал ее косвенными намеками[19]. Именно после этого Александр I начал совещаться с другими чинами свиты относительно полезности лагеря, а те «высказывались против лагеря более категоричным образом»[20]. Между тем русская армия продолжала отступать к Дрисскому лагерю.

Еще 25 июня государь отправил к Наполеону министра полиции генерала А. Д. Балашова, напутствуя его, он сказал: «Хотя, впрочем, между нами сказать я и не ожидаю от сей посылки прекращения войны, но пусть же будет известно Европе и послужит новым доказательством, что начинаем ее не мы»[21]. Вручив позднее письмо для императора, государь велел на словах добавить, что, «если Наполеон намерен вступить в переговоры, то они сейчас начаться могут с условием одним, но непреложным, т. е. чтобы армии его вышли за границу; в противном же случае государь дает ему слово, что докуда хоть один вооруженный француз будет в России, не говорить и не принять ни одного слова о мире»[22]. Пример, прямо скажем, довольно редкий в истории: как человек очень умный Александр I прекрасно понимает, что Наполеон не отступится, но желает показать всем, и в первую очередь западноевропейцам, что Россия и ее государь в этом конфликте безупречны. Одновременно хотелось бы отметить, что государь с самого начала прекрасно понимает и постоянно подчеркивает, что вспыхнувшая война есть не просто единоборство Франции с Россией, но Россия безусловно права, отстаивая свою честь и независимость, что ее против ее воли втянули в борьбу и тем хуже для напавшего.

Это поведение вполне согласуется с текстом Манифеста-приказа, обращенного к войскам: «…Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого нами спокойствия. Французский император, нападением на войска наши при Ковно, открыл первый войну. Итак, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается нам ничего иного, как, призвав на помощь свидетеля и защитника правды, Всемогущего Творца Небес, поставить силы наши против сил неприятельских. Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и воинам нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете Веру, Отечество и свободу. Я с вами. На зачинающего бог»[23]. Необходимо обратить внимание читателя, что в призыве к войскам на месте имени государя стоит высокое имя СВОБОДЫ, казалось бы невозможное в приказе самодержца и повелителя миллионов крепостных рабов, этот факт говорит о том, как на самом деле смотрел император Александр I в этот момент и на самодержавие, и на крепостничество.

Педант, быть может, скажет, что мы здесь отклонились от темы сочинения, но читатель внимательный и вдумчивый поймет, что мысли и чувства о России, о власти и о народе, волновавшие императора Александра I, отразились в этом важнейшем обращении к русской армии, прозвучавшем в первый день войны, обещавшей быть столь необычайной, и стали определять все дальнейшее поведение русского государя в 1812 г.

Вернемся же к нашей военной теме. Плох или хорош был Дрисский лагерь в этот момент определяющего значения уже не имело, хотя участники событий в тот момент думали иначе, важно же, как оказалось, было другое: не приняв сражения при Вильно и отступая к лагерю I Западная армия, может быть и не лучшим образом, но начала осуществлять общий замысел плана войны – завлекать Великую армию в безграничные пространства России, истощать ее длительными переходами по небогатой ресурсами стране. Наполеону, поневоле, приходилось теперь, чтобы догнать русских, отказываться от руководящей идеи своего предвоенного плана: никоим образом не углубляться в Россию и победить либо на берегах Вислы, либо в приграничном сражении. Сама логика развернувшегося наступления, необходимость поддержания славы и непобедимости своего оружия, толкали теперь императора вслед за русской армией вглубь России. Таким образом, предвоенный план императора Франции в его стратегической сущности разваливался на глазах, выше мы уже говорили, что это могло привести не только к искажению задач войны, но и поставить под удар саму воз-

можность ее успеха. Исходя из этого Наполеон решился предпринять самые действенные меры, чтобы переломить неблагоприятно для него складывающуюся ситуацию. Главными своими задачами он теперь считал: первое, разъединить навсегда I и II русские Западные армии; второе, как можно скорее настигнуть I армию и, навязав ей генеральное сражение, уничтожить. Обе эти задачи казались ему выполнимыми благодаря имевшемуся превосходству в силах над каждой из русских армий.

Следствием этого решения было то, что 1 июля (нов. ст.) Наполеон двинул на Барклая и государя, сосредоточивших у Свенцян 2-й, 3-й, 4-й и 5-й пехотные корпуса, а также и 1-й и 2-й кавалерийские корпуса, французскую кавалерию маршала Иоахима Мюрата, а от Вилькомира (Укмерга) повернул к Свенцянам корпуса маршалов Удино и Нея, т. е. 2-й и 3-й, таким образом, 110 тыс. французов наступали на фронте в 70 км[24], своеобразным уступом: левый фланг – Удино далее всего отстоял на Запад; Ней в центре у Гедройча выдвинулся вперед, и Мюрат на правом фланге у Бойреня грозил обойти левый фланг русской армии и пресечь ее сношения как с 3-м кавалерийским корпусом графа Палена и 4-м пехотным корпусом Д. С. Дохтурова, так и со II русской Западной армией.

Одновременно части 1-го корпуса маршала Даву двинулись против армии князя Багратиона. Правая колонна – пехотная дивизия генерала Дессэ, кавалерийская бригада генерала Кастекса и Бордесуля с приданным 1-м пехотным полком из дивизии генерала Компана, под общим командованием генерала Э. Груши – шла от Вильно на Лиду. Средняя колонна – дивизия Компана, кирасирская дивизия Валанса и две кавалерийских бригады Кольбера и Пажоля под личным командованием князя Экмюльского – шла от Вильны на перехват дороги из Лиды на Ошмяны, отрезая тем самым путь 6-му русскому корпусу генерала Дохтурова и 3-му корпусу генерала графа Палена к соединению с I русской Западной армией. И, наконец, левая французская колонна – пехотная дивизия ген. Лорана, кирасирская дивизия генерала Сен-Жермена и две польских бригады, и уланы из дивизии Брюейра, под общим командованием генерала Нансути, в состав чьего 1-го корпуса кавалерийского резервы эти кавалерийские части и входили, двинулись через Михайлишки на Глубокое, т. е. в обход левого фланга I русской армии, в общем направлении к Западной Двине[25]. Таким образом, маршал Даву (князь Экмольский) имел с собою, идя на перехват II армии князя Багратиона, далеко не все силы своего 1-го корпуса, который исчислялся перед началом кампании в 69,5 тыс. чел.[26] На 1 июля он насчитывал 60,2 тыс. чел.[27], а так как при главных силах императора Наполеона были оставлены три из пяти пехотных дивизий корпуса, то в действиях против князя Багратиона князь Экмюльский имел 5-ю пехотную дивизию генерала Компана – 13,8 тыс. чел. перед началом кампании[28] и 4-ю пехотную дивизию генерала Дассэ – 11,2 тыс. чел. перед началом кампании[29]. Учитывая убыль в людях за первую неделю изнуряющего движения, всего в пехотных и кавалерийских частях, которые вел с собою маршал Даву, вряд ли насчитывалось более 25 тыс. человек, т. е. почти в два раза меньше, чем у князя Петра Ивановича Багратиона, особенно учитывая, что атаман Платов не смог выполнить приказ о присоединении к I Западной русской армии, доставленный ему флигель-адъютантом князем С. Г. Волконским[30], и присоединился ко II армии.

В этот момент корпус М. И. Платова подходил к Лиде, а корпуса Д. С. Дохтурова и графа Палена были уже у Ошмян, теперь все зависело от того, кто первым: маршал Даву или русские займут этот уездный город тогда Виленской, а ныне Гродненской области. Рассчитывать на помощь II армии Дохтуров и Пален не могли, ибо Багратион в этот день уже сосредоточил ее в районе г. Слоним на юге Гродненской губернии и между ними теперь было 150 км по прямой. Однако 29 июня кавалерийский отряд полковника К. А. Крейца имел под Ошмянами дело с кавалерийской бригадой генерала Пажоля и, отбросив его, удержал город для прохода корпусов Дохтурова и графа Палена. Особенно за этот переход генерал А. П. Ермолов хвалит графа Палена: «Отряд гусар из окрестностей Гродно догнал 6-й корпус на пути его, потому что им командовал генерал-майор граф Пален, прошедший в продолжение трех дней почти двести верст. Надобно знать графа Палена, чтобы не казалось это чрезвычайным. При отличных способностях, пламенный и ледовитый по обстоятельствам, предприимчивый и осмотрительный, когда требуется»[31]. Зная нелюбовь генерала Ермолова к немцам вообще, это замечание его дорого стоит. От себя добавим, что этот отличный кавалерийский генерал был сыном графа П. А. Палена, возглавившего заговор 11 марта 1801 г., приведший к свержению с престола и убийству императора Павла I. После прохождения Ошмян оба корпуса соединились с I Западной армией уже в Дрисском лагере. Таким образом, Даву не смог выполнить первую из задач, поставленных императором.

Действия армии князя Багратиона развивались в гораздо более драматических обсто-

ятельствах: 2 июля он выступил из Слонима на северо-восток к Новогрудку, откуда можно было бы продвигаться к Вилейке для дальнейшего соединения с I русской Западной армией, как того требовала директива императора Александра I, полученная князем Петром Ивановичем 30 июня (нов. ст.)[32]. Таким образом, изменялась концепция первоначального плана русского командования, возникшая под влиянием идей генерала Пфуля: отказывались от действия II армией во фланг и тыл главным силам Наполеона, начав трезво оценивать их размеры. Однако выполнить директиву оказалось не так-то просто.

В Слониме князь Багратион провел 1 июля, а уже 2-го выступил согласно директиве государя к Новогрудку, начав опасно сближаться с колоннами Даву. Между тем к Гродно, выполняя повеление своего брата, шел Жером Бонапарт, король Вестфальский, со своим корпусом, но двигался он слишком медленно, чтобы успеть оказать помощь маршалу Даву, это несколько облегчало пока положение князя Багратиона, который к 3 июля, пройдя 80 км, вышел к Николаеву на Немане и стал готовить переправу. Уже 4-го Верхний Неман был перейден, и можно было назавтра идти к Воложину, откуда открывался путь на Сморгонь или Вилейку, т. е. к I русской армии либо к Минску. Но вечером 4-го стало известно, что в Воложине отряд генерал-майора И. С. Дорохова, это был авангард 4-го корпуса, отрезанный неприятелем в начале наступления от главных сил и неделю шедший среди французских колонн, но, благодаря воинскому таланту Дорохова, сумевший проскользнуть между ними[33]. От Дорохова князь Багратион узнал, что идти на Вилейку уже нельзя. Одновременно от М. И. Платова пришло известие, что польские уланы наседают в районе Вишнева[34], где однако разбиты и отогнаны, но все равно угрожают так же перерезать путь на север. Однако князь Багратион решил все-таки идти с боем на прорыв и повелел удерживать и Вишнево и Воложин до его появления. Идти было решено двумя эшелонами: впереди 7-й корпус, за ним 8-й, а 4-й кавалерийский корпус в арьергарде. Готовясь атаковать, князь Багратион отдал приказ по войскам, выдержанный в духе незабвенного Суворова и его «Науки побеждать»:

> Наконец неприятельские войска с нашими встретились, и генерал-от-кавалерии Платов гонит их и бьет. Нам надо их атаковать храбро, быстро, стрельбою не заниматься; артиллерии бить метко; иррегулярным[35] войскам стараться окружать их фланги и тыл – сие им способно, но только должно мастерски поступать. Регулярная кавалерия атакует быстро, но весьма стройно, не рассыпаясь никак. Эскадроны должны в атаке друг друга подкреплять, имея резервы и фланги прикрытия. Кавалерия должна быть расположена по шахматному.
>
> …Во время стрельбы как можно менее высылать стрелков[36], разве где по флангам будут леса – тогда засаду делать. Корпусным командирам стараться и все внимание обратить на то, чтобы неприятеля поражать штыками в колоннах и наступать на него, коль скоро он будет опрокинут. Конная артиллерия должна действовать сильно[37], равно и кавалерия, но весьма стройно, без малейшего замешательства. Сие весьма нужно в том случае, ежели неприятель будет иметь резервы, чем может он привести в расстройку наступающих; и для того нам стараться иметь войска в колоннах и в готовности, а как скоро все[38] обратятся в бегство, тогда сильно колоть казакам[39], а регулярным подкреплять сомкнуто и весьма стройно.
>
> Армию в боевой порядок выстраивать не тесно, а так, чтобы локтями только могли трогать товарища – сие нужно для свободного заряжения ружей. Когда неприятельская кавалерия нападет на пехоту, то ту же минуту построить сомкнутую колонну во все стороны, или батальон каре[40].
>
> Все атаки делать с криком, а особливо казакам; во время наступления барабаны бьют скорый поход и музыка играет[41].
>
> …Я уверен в храбрости вверенной мне армии, и что всякий чин потщится благоразумно и храбро действовать, ибо государь наш всемилостивейший и любезное отечество сего требуют, и мы должны доказать сыновнюю нашу любовь и непобедимую храбрость. Господам начальникам войск вселить в солдат, что все войска неприятеля не иначе что, как сволочь со всего света, мы же русские и единоверные. Они храбро драться не могут, особливо же боятся нашего штыка. Наступай на него! Пуля мимо. Подойди к нему – он побежит. Пехота коли, кавалерия руби и топчи! Гг. офицеры наши свету доказали храбрость, преданность, ревность и послушание, следовательно ныне они более и более в глазах моих оправдывают заслуженную признательность. Тридцать лет моей службы и тридцать лет, как я врагов побеждаю через вашу храбрость. Я всегда с вами и вы со мною!
>
> Ударим крепко и победим врага. Тогда нам честь, слава и благодарность родины, а любезному отечеству нашему победою врага, дерзнувшего вступить в землю русскую, принесем спокойствие и самое блаженство[42].

Да простит нам терпеливый читатель, что столь долго испытывали его внимание столь пространным цитированием боевого приказа князя Петра Ивановича Багратиона, приведенного, однако же, в сокращении. Но лучше один раз дать высказаться человеку талантливому о предмете, ему знакомом или любимом, чем бесконечно рассуждать посредственно о деле серьезном и важном. В этом приказе полководец сжато и образно раскрыл все принципы тогдашней тактики и самого боя русской армии, боя, построенного на прекрасном знании характера русского солдата и офицера и великолепном владении всеми необходимыми приемами нашей тактики, выработанной предыдущими пятьюдесятью годами непрерывных боев и походов под предводительством знаменитого графа Румянцева-Задунайского и бессмертного Суворова. Если трудолюбивый читатель возьмет в свои руки его «Науку побеждать» и сличит ее с текстом приказа, то он сам увидит, где был почерпнут источник вдохновения князя Багратиона, и поймет, что он был и учеником Суворова, и всегда был проникнут наступательным духом его тактики и стратегии. Несомненно, что офицеры и солдаты-ветераны, видавшие и помнившие Суворова, в словах этого приказа вновь слышали пламенную речь их любимого военного вождя, снова как бы ставшего перед их рядами и вновь зовущего их на битву и на победу. Этот приказ может быть и есть самый великолепный памятник князю Багратиону. И каждый офицер и солдат армии России должен читать его, прочувствовать и осмыслить его, чтобы стать настоящим русским солдатом. Однако вернемся к нашему повествованию.

Но в ночь на 5-е командующему армией донесли, что неприятель занял Слоним. Теперь армия оказывалась охваченной с тыла, фланга и фронта, князь Петр Иванович принял решение отказаться от прорыва на север отступать через Минск на Борисов для соединения с I армией, он перешел снова на левый берег Немана и двинулся в обход, о чем донес государю рапортом 6-го июля с марша, находясь уже в Кореличах[43]. Здесь провел он весь день, ожидая донесений от Платова и Дорохова, а получив их лишь 7-го вечером, приказал Дорохову выйти к Воложину, оседлавшему одну из трех дорог к Минску и удерживать его пока II армия будет двигать из Корелич на дорогу к Минску, идущую от Бреста и Слонима через Барановичи. Атаману Платову князь приказывал идти через Воложин на Радошковичи и там «оседлать» 3-ю дорогу на Минск, идущую из Вильны через Сморгонь и Молодечно, т. е. ту самую, по которой двигался сам маршал Даву через Ошмяны. Казалось бы все было предусмотрено, но М. И. Платов не выдержал давления колонны генерала Э. Груши и в ночь на 7 июля перешел Неман, уничтожив мост у Николаева, и пытался, сманеврировав на восток, снова перейти Неман выше по течению, но тут все мосты были уже уничтожены французами, и атаман со своими казачьими полками повернул на юго-восток на местечко Мир, превратившись таким образом в арьергард II русской Западной армии, которая уже «спустилась» из Корелич так же на юго-восток до Несвижа, находясь теперь юго-западнее Минска. Здесь к нему прибыл 7-го июля флигель-адъютант полковник А. Х. Бенкендорф с приказом государя идти через Минск на сближение с I русской Западной армией, но так как Бенкендорф сам проехал через Минск накануне занятия его французами, то, сообщив об этом князю Багратиону, тем самым дезавуалировал приказ государя[44].

Через сутки 9 июля начались двухдневные бои М. И. Платова с польскими уланами дивизии генерала А. Рожнецкого, которых атаман разбил и обратил в бегство. Это была первая заметная победа русского оружия в начавшейся войне, и одержали ее не кто-нибудь, а наши донские казаки. А. П. Ермолов очень верно заметил об этих боях: «Атаману Платову представился первому случай… доказать польской коннице, что в нас сохранилась прежняя поверхность над поляками, казакам предоставлена честь возобновить в сердцах их сие чувство»[45].

А. Х. Бенкендорф, находившийся тогда в штабе князя Багратиона, отмечал к каким результатам стратегического характера привела эта победа: «Князь приостановился в Несвиже в то время, как его арьергард под начальством генерала Платова разбил и совершенно рассеял значительные силы кавалерии, которые неприятель выслал для преследования его по пятам. Это блистательнейшее дело, несколько охладившее пыл польской конницы, дало больше свободы движениям князя Багратиона, и он решился постараться предупредить неприятеля в Могилеве»[46].

Дорога туда вела из Несвижа через Слуцк на Бобруйск и далее в Могилев. Это решение вызвало у государя неудовольствие, когда он получил его с А. Х. Бенкендорфом, и он высказал его в письме от 17 июля, одновременно дав понять как ценит он князя и каков теперь будет план действий обеих Западных наших армий:

> Кн. Петр Иванович. Получил Я рапорты ваши с фл.-ад. Бенкендорфом и кн. Волконским, так же из Слуцка от 1 июля (ст. ст. – *Б. К.*), с прискорбием усмотрел Я из письма вашего к гр. Аракчееву, что вы сомневаетесь в доверенности

Моей к вам. Сия доверенность во мне никогда не колебалась, и на сей счет прошу вас быть совершенну покойну. Я умею ценить военные достоинства ваши, и лучшим доказательством оному может вам служить назначение вас в столь важное время главнокомандующим 2-ю армиею. Направление вас сперва на Вилейку, а потом на Минск было сделано в надежде, что быв столь часто в походах с славным нашим полководцем кн. Суворовым-Италийским, вы предупредите неприятеля на сих важных пунктах не столь для того, чтобы совершенно соединится с 1-ю армиею, как для постановления 2-й армии на направление, имеющее в тылу центр России, чтобы действия обеих армий сделались удобнее и деятельнее. По рапорту вашему, вы могли быть в Минске 27 числа, неприятель же занял оный 26-го и по самым достоверным известиям состоял не более как в 6000. Посему, продолжав быстро марш ваш на Минск, вы несомненно оного вытеснили и прошед за Минск по обстоятельствам, либо удержали сие место, либо могли уже свободно отступить на Борисов, где опять наступление неприятеля могло быть предупреждено. Но ныне следует помышлять о будущем, а не о прошедшем. Я твердо надеюсь, что появление неприятеля в Свислочи не остановит вас идти на Бобруйск, дабы после направить путь ваш за Днепр и, прикрывшись оным, иметь в виду предупредить неприятеля на Смоленск…

…На сих днях ожидаем мы происшествий важнейших. Но не забывайте, что до сих пор везде мы имеем против себя превосходство сил неприятельских и для сего необходимо должно действовать с осмотрительностью и для одного дня не отнять у себя способов к продолжению деятельной кампании. Вся цель наша должна к тому клониться, чтобы выиграть время и вести войну сколь можно продолжительную. Один сей способ может нам дать возможность преодолеть столь сильного неприятеля, влекущего за собою воинство целой Европы. Будьте уверены, что вы найдете всегда во Мне совершенную готовность отдавать полную справедливость вашим заслугам. Я уверен, вы не замедлите дать Мне случай на опыте оное вам доказать…[47]

Это письмо написано на марше по пути в Дрисский лагерь, недовольство императора вполне понятно: сближение армий невозможно, ни стратегический план Барклая, ни план Пфуля как бы ни пытался государь ранее сопрячь их в нечто целое, теперь невозможны. Надо понять стоит ли далее исполнять план Пфуля. Если нет, то как быть дальше? Какой ход должны принять события, какую стратегическую линию движения выбрать?

Интересно отметить, что государь порицая князя Багратиона ставит ему в пример Суворова, весьма прозрачно намекая, что «воспитанник» генералиссимуса мог бы и прорваться через Минск, занятый авангардом Даву, и тем самым резко изменить стратегическую картину на театре войны, действуя посуворовски. На первый взгляд, можно сказать, что император неправ, что он подходит к ситуации схоластически, что прорыв через занятый Минск мог бы привести к затяжному сражению и подошли бы основные силы Даву, что привело бы к большим потерям и даже в случае удачи далее II армия двигалась бы «таща на хвосте» массу французско-польской конницы, а может быть и легкую пехоту неприятеля. Однако тут возникают два возражения. Первое: мы видели что реально действовавшие силы маршала Даву против Багратиона равнялись 25 000 чел., а на минском направлении – лишь треть из них. Следовательно роковой опасности для II армии, имевшей на минском направлении не менее 40 000, эти силы неприятеля не представляли, если только не считать, что 10–12 тыс. французов равноценны вышеуказанному количеству русских. Второе возражение сформулировано не мною, а знаменитым А. П. Ермоловым, находившемся в этот момент в I армии, командуя гвардейской пехотной дивизией, и постоянно общавшимся с государем: «Маршал Даву поспешал к Минску с сильным корпусом, но тогда еще голова оного приближалась к Минску[48]. Князь Багратион мог бы предупредить Даву в Минске, и если бы даже встретился с его войсками, то конечно с одними передовыми, как то известно сделалось после[49], надобно было, и он должен был решиться атаковать, предполагая даже понести некоторую потерю, чтобы овладеть дорогою на Смоленск. Изменила князю Багратиону всегдашняя его предприимчивость. К тому же скорость движения его замедливали худые от Несвижа дороги и переправы через Неман у местечка Николаева. Так же получая о неприятеле вести преувеличенные, он возвратился к Несвижу и через Слуцк пошел на Бобруйск… С сего времени на соединение обеих армий отняты были все надежды»[50]. Как видим, прославленный генерал солидарен в своей оценке происшедшего с государем, хотя и находит смягчающие обстоятельства. Но объективность требует привести в защиту кн. Петра Ивановича мнение участника отступления II армии, впоследствии знаменитого полководца николаевского времени, а тогда командующего 26 пехотной дивизией генерала И. Ф. Паскевича: «На пути

к Минску получено было известие, что неприятель показался уже и в этом городе. Это было 25 июня[51] (т. е. 7 июля нов. ст.). Жар был невыносимый. Люди совершенно изнурились от сорока и пятидесятиверстных переходов по пескам. Пробиваться силою было невозможно. Кн. Багратион решился отступать не на Минск, но через Несвиж, Луцк к Бобруйску. Армия прибыла в Несвиж 26 июня. За это отступление к Несвижу обвиняли кн. Багратиона. Но, напротив, нельзя не отдать справедливость его военному соображению. Он видел, что всего нужнее было сохранить армию и что соединение с 1-ю армиею по прежнему направлению невозможно, ибо впереди его был Даву с 50 тыс., а позади король Вестфальский с 80 тыс. чел.»[52].

Серьезнейшим из доводов в защиту решения князя надо признать неимоверную жару и крайнюю усталость войск, превосходящие же силы Даву, как мы уже видели, были мифом, но вполне понятным, ибо во время военных действий обе противных стороны склонны весьма преувеличивать силы неприятеля, стоящие перед ними. Таким образом, спор о том, прав или нет был князь Багратион, не пойдя через Минск на прорыв, надо оставить открытым, ибо осуждать его, сидя в кабинете при спокойном свете ночной лампы, кажется нам делом недостойным, но и безусловно оправдывать представляется трудным. Время покажет, кто прав.

Интересно другое – государь очень разумен, когда пишет далее: «Ныне следует помышлять о будущем, а не о прошедшем», – и тут же набрасывает новую коммуникацию и указывает теперь же новый стратегический узел, куда надобно успеть прикрыть от неприятеля – Смоленск[53]. Таким образом, мы видим, что Александр I не поддается смятению, наоборот, он постоянно анализирует ситуацию и планирует будущее. Назвав Смоленск, государь тем самым показывает, что он вполне осознает важность удержать его, иначе, если Даву и там предупредит Багратиона, то кампания будет проиграна, так как армии уже точно не встретятся, и I будет оттеснена от Центральной России и Москвы на северо-запад, т. е. обречена на истощение из-за скудости ресурсов региона и слишком длинной облической коммуникации через Тверь с верхней Волгой и черноземным центром с их ресурсами.

Очень важна еще одна фраза в его письме к князю Багратиону: «Вся цель наша должна к тому клониться, чтобы выиграть время и вести войну сколь можно продолжительную. Один сей способ может нам дать возможность преодолеть столь сильного неприятеля…»[54]. Из нее мы можем заключить, что русский государь в этот критический момент вовсе не вел себя неуверенно и не стремился давать генерального сражения, как утверждал Л. Г. Бескровный[55]. Наоборот, он напряженно старался выработать решение, правильно понимая значение фактора времени, т. е. необходимость продолжительной войны, а называя Смоленск, тем самым внутренне, еще не добравшись до Дрисского лагеря, уже считал его, этот лагерь, бесполезным, но не оглашал пока своего мнения. Приняв это во внимание, можно понять смысл фразы А. П. Ермолова, следовавшей сразу после того места, где мы прервали его цитирование: «Государь император изволил сообщить мне полученное известие[56] и не скрыл, сколь горестно оно для его сердца, но утешительно мне было видеть, что можно надеяться на его твердость»[57]. Именно эту внутреннюю твердость Александр I и будет демонстрировать в критические моменты войны. Что же касается военного совета и частных консультаций, которые он провел, находясь в Дрисском лагере с 8 по 16 июля[58], то это объясняется тем, что после Аустерлица государь был не уверен в своих военных способностях и считал нужным прислушаться к голосу генералитета. Его стратегические дарования еще раскроются в период Отечественной войны и найдут полное выражение в кампании 1813–1814 гг. Но это пока еще впереди, а сейчас, по точному замечанию А. Х. Бенкендорфа, «император слишком скромно еще оценивавший собственные военные способности, поверил в этом отношении голосу своей армии и, к счастью, покинул Дрисский лагерь, предав его общей критике»[59].

Примечания

[1] Маршал Л. А. Бертье, начальник Генерального штаба.

[2] Коленкур А. де. Мемуары: поход Наполеона в Россию. Смоленск: Смядынь, 1991. С. 76.

[3] Сегюр Ф.-П. де. Поход в Россию. Смоленск: Русич, 2003. С. 34.

[4] Соколов О. В. Погоня за миражом // Родина. 1992. № 67. С. 21.

[5] Михайловский-Данилевский А. М. Отечественная война 1812 года: воспоминания современников. М.: Захаров, 2004. С. 18.

[6] Коленкур А. де. Указ. соч. С. 78.

[7] Сегюр Ф.-П. де. Указ. соч. С. 37.

[8] Коленкур А. де. Указ. соч. С. 78.

[9] Тарле Е. В. Сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 7. С. 475.

[10] Командир 13-го пехотного полка.

[11] Коленкур А. де. Указ. соч. С. 78.

[12] Там же. С. 79.

[13] Сегюр Ф. П. де. Указ. соч. С. 38.

[14] Волконский С. Г. Записки. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. С. 191–192.

[15] Там же. С. 192.

[16] Клаузевиц К. 1812 год. М.: Воениздат, 1937. С. 39.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 39–42.

[19] Там же. С. 42–43.

[20] Там же. С. 43.

[21] Тарле Е. В. Указ. соч. С. 477.

[22] Там же. С. 477.

[23] Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 19.

[24] Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 275–276.

[25] Отечественная война 1812 г.: энцикл. М.: Росспэн, 2004. С. 555, 557–558.

[26] Васильев А. А. Первый армейский корпус Великой армии // Отечественная война 1812 г.: энцикл. С. 558.

[27] Там же. С. 558.

[28] Васильев А. А. Пятая пехотная дивизия Великой армии // Отечественная война 1812 г.: энцикл. С. 776.

[29] Его же. Четвертая пехотная дивизия Великой армии // Там же. С. 596.

[30] Волконский С. Г. Указ. соч. С. 193.

[31] Ермолов А. П. Записки А. П. Ермолова, 1798–1826. М.: Высш. шк., 1991. С. 125.

[32] Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 24.

[33] Там же. С. 22.

[34] Отечественная война 1812 г.: материалы Воен.-учен. арх. СПб., 1914. Т. 13. С. 256.

[35] Т. е. не регулярным, имеются в виду казаки.

[36] Это противоположно французской тактике пехотного боя, когда значительная часть полка – вольтижеры – рассыпались в стрелковые цепи или группы.

[37] Т. е. конная артиллерия сопровождает кавалерию, чтобы своим огнем поддерживать ее атаку или прикрывать отступление, вообще, быстрый и точный маневр артиллерии – половина успеха в бою.

[38] Т. е. французы.

[39] Все западноевропейские мемуаристы конца XVIII – середины XIX в. согласно отмечали невозможность при отступлении противостоять ударам казачьих пик, гораздо более страшных как оружие в сравнении с саблей.

[40] Любимое построение русской пехоты при отражении турецкой конницы, введенное еще в армии графа П. А. Румянцева в Первую русско-турецкую войну и впоследствии широко применявшееся А. В. Суворовым.

[41] Очень верное понимание того, что крики «ура!» и знаменитый казачий «визг», в сочетании с военной музыкой создавали в атакующих полках необычайный эмоциональный подъем, перерастающий в пресловутый «порыв» – залог сокрушительного удара в штыки.

[42] Приказ П. И. Багратиона войскам Второй Западной армии о подготовке к атаке неприятеля, № 72, 25 июня [7 июля] 1812 г. // Генерал Багратион: сб. док. и материалов. М.: Госполитиздат, 1945. С. 179–181.

[43] Гарин Ф. А. Изгнание Наполеона. М., 1948. С. 61–63.

[44] Бенкендорф А. Х. Записки Бенкендорфа: 1812 год. Отечественная война; 1813 год. Освобождение Нидерландов М.: Яз. славян. культуры, 2001. С. 37–38.

[45] Ермолов А. П. Указ. соч. С. 135.

[46] Бенкендорф А. Х. Указ. соч. С. 38.

[47] Грюнберг П. Н. [Примечания] // Бенкендорф А. Х. Указ. соч. С. 133–134.

[48] Этот пассаж текстуально совпадает с 6000 из письма государя.

[49] Снова совпадение с письмом государя.

[50] Ермолов А. П. Указ. соч. С. 128.

[51] На самом деле Минск был занят 26 июня (8 июля нов. ст.).

[52] 1812 год в воспоминаниях современников. М.: Наука, 1995. С. 82.

[53] Бенкендорф А. Х. Указ. соч. С. 134.

[54] Там же. С. 134.

[55] Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 290.

[56] Об отступлении Багратиона на Бобруйск.

[57] Ермолов А. П. Указ. соч. С. 128.

[58] I армия прибыла в лагерь с 10 по 11 июля и должна была там отдохнуть.

[59] Бенкендорф А. Х. Указ. соч. С. 39.